

Благодаря находчивости Баочжай Фэн Жун вернулся домой в приподнятом настроении, а сразу после посещения бабушки отправился в Сад камелии. Лицо его было спокойно, но душа все еще испытывала негодование от дерзких слов Пань Таня. Молодой господин желал скорее рассказать друзьям о выходе генерала и о том, как удалось его перехитрить.

Ли Инчунь отдыхал в своих покоях, Пятый принц ожидаемо был рядом с ним. Слуг рядом видно не было, а на узком столике между молодыми людьми стояла доска с облавными шашками. Впрочем, игра, кажется, была заброшена некоторое время назад: господин Ли неспешно попивал чай, пока Фу Ичжэнь что-то эмоционально ему рассказывал.

Фэн Жун, без стука войдя в главную комнату, услышал часть разговора:

— ...потому духовная энергия не может быть использована. В таких массивах совершенствующийся может полагаться только на цигун и спокойствие собственной души, они и являются решающим фактором смерти или выживания.

— Говоришь о страшных вещах! — воскликнул молодой господин. В поместье хоу он, конечно, не мог пойти не подготовленным, потому сейчас на Фэн Жуне были богатые одежды, расшитые бисером, и меховой воротник. Верхнее ханьфу он на ходу пренебрежительно сбросил, оставшись в простом халате с узкими рукавами, подчеркивающими его юношескую статью. В подобном образе особенно становилось заметно, как молод Фэн Жун. Он уселся за стол к друзьям с выражением небывало воодушевленным.

— Нет, в словах Его Высочества есть смысл, — задумчиво возразил Ли Инчунь. — Душевное спокойствие... в самом деле может стать подспорьем во многих жизненных ситуациях.

— Заклинатели вечно говорят об эфемерных вещах, в которых нет никакого практического смысла, — покачал головой Фэн Жун и, не дав кому-либо возразить, азартно спросил: — Попробуйте угадать, кого я встретил в поместье хоу?

— Барышню Сяолин? — без всякого выражения предположил господин Ли. Пятый принц фыркнул. Молодого господина совсем не задела чужая шутка, он вдохновенно продолжил:

— С ней мы болтали весь день, речь не о том. Когда я уже собирался уходить, явился Пань Тань!

— Это его дом, куда ему еще было идти вечером, — справедливо заметил Фу Ичжэнь. Ли Инчунь добавил:

— Именно потому я говорил вам не задерживаться.

— Мы с Сяолин не говорили так долго, что я почти забыл, как звучит ее голос! — возмутился в ответ Фэн Жун. — Разве странно, что мне хочется побыть с ней и племянницей? Ах, Чэнхуа становится краше с каждым днем, она такая прелестная и улыбчивая...

— Очаровательно, — сухо прервал Пятый принц. — Что там с генералом?

— Верно говорят, что только дрянной человек не полюбит ребенка, — отозвался молодой господин, поглядев на Фу Ичжэня неодобрительно, но не стал больше томить. Фэнцзи принесла ему воды: от скорого шага и желания рассказать все сейчас же щеки Фэн Жуна потеплели. — Пань Тань при сестре вел себя праведно, а после вызвался проводить нас с Баочжай до ворот. В один момент он остановился и принялся говорить мне странные вещи!

— Какие же? — уточнил Ли Инчунь.

— Сказал, что моя фамилия для него ничего не значит, что мне стоит подумать о том, с какими людьми дружить! Что мне не стоит испытывать судьбу, раз удалось избежать смерти! Я едва не выплюнул в его паршивом саду всю кровь: какое право дрянной генерал имеет говорить мне подобное? Вздумал учить меня жизни? Сам вздорный старик, который однажды уже отдал предкам душу, а теперь из-за этого мнит себя выше других!

— Он тебе угрожал? — в миг посерьезнев, спросил Пятый принц. Фэн Жун фыркнул:

— Что мне его угрозы! Разве стану я бояться какого-то лживого ублюдка? Все, что он может, это прятаться в тени Императорского трона, но лишь до момента, когда его мерзкие деяния станут известны Его Величеству!..

— Молодой господин действительно отважен, — сказал господин Ли. — Рассуждать так, находясь в поместье генерала без всякой помощи...

— Рассуждать? — удивился Фэн Жун. — Я сказал ему это в лицо!

И Ли Инчунь, и Фу Ичжэнь на миг пораженно замерли. Конечно бывали храбрые люди, бывали отважные или верящие до последнего вздоха в круговорот кармы, который точно воздаст положенное обидчику... А бывали просто глупые, подобные их молодому господину. Неужели он не почувствовал страха за свою хрупкую жизнь в момент, когда остался наедине с генералом? Или, взрощенный в уважении своей громкой фамилии, даже не подумал о том, что что-то дурное в самом деле может с ним случиться? Пятый принц был искренне поражен чужой наивной отвагой, тогда как господин Ли от одного представления себя на месте Фэн Жуна вздрогнул всем телом, и старые его раны вновь заныли.

— ...а ты не робкого десятка, — наконец сказал Пятый принц. Маловероятно было, чтобы генерал решился что-то сделать — но рассуждать об этом спокойно можно было в тепле уютных внутренних комнат. Как бы поступил сам Фу Ичжэнь в подобной ситуации, он сказать не мог.

— Мои предки отреклись бы от меня, если бы я его испугался! — фыркнул Фэн Жун. Фэнцзи, что слышала его рассказ и более того сама была свидетельницей случившегося, не смогла больше терпеть и сказала:

— Но все же, молодой господин, в следующий раз будьте осмотрительнее! Вы не испугались, но моя душа чуть не отправилась к перерождению там же!.. Если бы этот подлец решил что-то сделать, разве смогла бы эта слабая служанка вам помочь? Пожалуйста, сжальтесь надо мной!

Молодой господин с улыбкой посмотрел на девушку.

— Рядом со мной тебе нечего бояться.

И Фэнцзи, пусть щеки ее благодарно заалели, и Пятый принц, и господин Ли поспорили бы с этим высокомерным утверждением, но пытаться переубедить иных людей особенно тогда, когда сами они были с своих слов безмерно уверены, было трудно. Ли Инчунь сказал:

— Как же вам удалось выбраться?

Фэн Жун рассмеялся:

— Баочжай помогла! Она была спокойна, но вдруг разрыдалась, словно испуганная нашей руганью, и принялась проситься домой. Я и сам на мгновение ей поверил! Пань Тань не имеет понятий о чести, но не опустился пока до того, чтобы обижать юных девушек, а потому не стал более нас задерживать.

— Юных девушек благородного происхождения, — поправил господин Ли. Тут же он спросил: — Пань Тань спрашивал вас о чем-то?

— Он хотел выяснить, связан ли я как-то с подменой Первой принцессы этой ночью и знаю ли о ваших с Пятым принцем делах. Кажется, — на мгновение Фэн Жун стал серьезен. — Он пока пытается выяснить, насколько близок я с вами двумя и стоит ли меня в той же мере опасаться.

— И что вы ему ответили?

— Отрицал все, — вздохнув, сказал Фэн Жун. — Я плох в продумывании каждого своего слова, потому за лучшее посчитал прикинуться идиотом. Да и потом, Сяолин все еще живет в его доме... Если он примется мешать жить мне — пускай, но я страшусь, как бы это не отразилось на сестре.

Пятый принц покачал головой:

— Благородно, но за тобой не только ты один, но вся семья Фэн, с домочадцами и побочными ветвями. Не стоит действовать опрометчиво.

— Знаю, потому так и поступил, — раздраженно отозвался Фэн Жун. — Портить отношения с генералом... угх, как бы мерзко ни было это признавать, но для моей карьеры лучше этого не делать.

Не так часто Фу Ичжэнь слышал от молодого господина такие разумные слова, потому на миг даже расчувствовался его рассудительности, как радуются первым словам своего дитя родители. Пятый принц понял, о каком чувстве ему не так давно рассказывал господин Ли и хотел уже согласиться с ним — но Ли Инчунь был задумчив.

Как и всегда, когда эмоции его были разрознены, лицо господина Ли лишилось всякого выражения, а пыльная яшма его глаз покрылась словно задумчивой поволокой. Теперь, когда в юноше почти не осталось болезненной худобы, это выражение не пугало, а завораживало. Взгляд Ли Инчуна стал чуть рассеянным.

— Молодой господин, — спросил он с небывалой для себя осторожностью. — Что вы... планируете делать дальше?

— О чем ты? — удивился Фэн Жун. Господин Ли поджал губы, на лицо его вернулось строгое выражение и он пояснил:

— Развивать карьеру, служить при дворе, взять в жены Первую принцессу?

— Не говори таких непристойных вещей! Это неуважительно по отношению к Ее Высочеству! — возмутился Фэн Жун — но скулы его предательски потеплели. Он кашлянул и не стал увиливать. — Это... было бы славно, — тут же, подумав о чем-то, молодой господин повернулся к Пятому принцу и самым искренним голосом, на который был способен, сказал: — Если Ее Высочество примет мои чувства и согласится стать... если согласится, я приложу все силы, свои кости и душу, чтобы она всю жизнь была счастлива!

Фу Ичжэнь даже чуть отпрянул:

— Зачем ты мне это говоришь?

— Как же? Она твоя сестра, разве ты не переживаешь за ее благополучие?

— Если вздумаешь ее обидеть, она разберется с тобой без моего участия, — ответил Пятый принц. — Она может быть очень злопамятной и в той же степени коварной.

— Ты наговариваешь на Ее Высочество! — возмутился Фэн Жун, но в своей душе, представив на лице Первой принцессы чуть пренебрежительное выражение, какое могло появиться при взгляде на людей ей неприятных, испытал трепет.

— Обсудите подарки на свадьбу после, — прервал друзей господин Ли и спросил снова. — Вы планируете прожить в столице всю жизнь?

Фэн Жун удивился:

— Тут мой дом и моя семья. Конечно, куда же еще мне идти?

Ли Инчунь несколько мгновений молчал. Он словно не мог подобрать слов для того, что хотел сказать — такое поведение было для него необычным. Фэн Жун и Пятый принц терпеливо ждали, пока господин Ли закончит. От чужого пристального и странно-искреннего внимания на миг юноша почувствовал себя неловко, но смог быстро справиться с волнением и продолжить:

— Если так, вам уже теперь нужно думать о своем месте в столице. О жертвах, на которых вы готовы пойти ради спокойной жизни, и налаживании полезных связей.

— О чем вы говорите? — спросил молодой господин и невольно поежился. — Жертвы? Конечно, мир вокруг переменчив, а люди бывают злы, но зачем думать о самом плохом?

— Чтобы не разочароваться после, — ответил Ли Инчунь серьезным голосом. Он вздохнул. — Вам не стоит в таком случае ссориться с хоу и лучше продолжать делать вид, словно нас с вами ничего кроме поместья не связывает. Будем считать, что вы приютили меня из доброты и по настоянию Пятого принца, а сами ни о наших делах, ни о конфликте с Пань Танем ничего не знаете.

— ...хорошо, — нехотя согласился Фэн Жун. В голосе его слышалось искреннее разочарование. — И все же вот так скрывать свою дружбу!.. Это жестоко.

— Не более жестоко, чем борьба при дворе Императора, — ответил Ли Инчунь. — Если вы хотите связать свою жизнь с государственной службой, то вам стоит привыкнуть к этой тяжести.

— Хорошо-хорошо, — махнул рукой молодой господин. Ему не хотелось говорить о злых вещах. — Но что же вы, господин Ли? Вы говорите так, словно сами не желали сдавать государственный экзамен!

— Даже с ученой степенью не обязательно оставаться подле Императора, можно ведь уехать и в отдаленные провинции, — заметил Ли Инчунь и задумчиво отпил чай. На его пиале путались узоры из узлов и летучих мышей, символизирующих пожелания счастливой и долгой жизни. Такая жизнь... была крайне заманчива. — Я не подхожу для государственной службы.

— Болезнь повредила твоё зрение? — спросил Пятый принц и протянул руку, чтобы тыльной стороной ладони коснуться лба господина Ли. Кожа его была сухой и холодной. Ли Инчунь бросил на принца осуждающий взгляд, но ничего не сказал.

— Его Высочество прав, едва ли можно найти человека более хитрого и изворотливого! — воскликнул Фэн Жун: не ясно было, пытается ли похвалить господина Ли, или обидеть его. Тут же на лице его появилось понимание: — Или государственная служба не для вас, потому что вы не можете смирить свой нрав? Не желаете подчиняться кому-то?

Господин Ли глядел на людей рядом с собой и не находил слов, чтобы ответить. Кем они его считают? Ли Инчунь думал, что из-за его слабого состояния в поместье Фэн он имеет роль полезной, но скромной вышитой подушки, которая лишь не даёт вольному интерьеру совсем уж лишиться строгости, но молодые господа перед юношей думали, кажется, что он имеет какие-то амбиции.

Господин Ли снова смочил горло.

— Я не настолько высокомерен. Иметь сильного, надёжного покровителя — что в этой жизни может быть лучше? Если ты будешь достаточно смекалист на государственной службе, то сможешь добиться стабильности, почёта для своего имени, а это то, чего в тайне желает каждый человек. Я лишь думаю... — Ли Инчунь кашлянул, но, глядя на лица перед собой, не испытал нежелания, потому что честно признался чуть севшим голосом. — Я считаю, что слишком труслив для таких дел.

Пятый принц спросил снова:

— Если плохо себя чувствуешь и не можешь мыслить здраво, то, быть может, вернешься в постель?

— Помолчите, Ваше Высочество, — прервал его Фэн Жун прежде, чем господин Ли смог ответить. Молодой господин в самом деле был очень трепетен к другим людям, Ли Инчунь едва сказал несколько слов о своих истинных мыслях, а Фэн Жун уже ощутил важность момента и не давал неким грубиянам его портить. Лицо молодого господина было серьёзно и внимательно, невольно в душе от взгляда на него просыпалось желание рассказать юноше каждую скрытую в глубине своего сердца тревогу.

Господин Ли сказал, смотря в ответ:

— Я не могу быть настолько отважным, как молодой господин. Трудности пугают меня, мне не хочется испытывать боли или лишений, а от мысли о том, что мои действия могут навредить дорогим людям, всё тело замирает. Я много размышлял о том, как обо мне из другой жизни рассказывал Мин Цзе и думаю, что мы все же разные люди, пережившие разные вещи. Не знаю, что выпало на его долю, но из своего прошлого я сделал некоторые выводы.

— О чём ты? — спросил Фу Ичжэнь, который, несмотря на свои язвительные замечания, всё же был очарован рассказом. За окном в свои права вступила холодная зимняя ночь, Фэнцзи ушла в дальние комнаты, и очаровательный полумрак окутал троих людей, отделив их от всего остального мира. Пятый принц был приятен, а к Фэн Жуну господин Ли в глубине своей души испытывал благодарность и уважение: с ними легко было поделиться.

— Когда из дома своего отца я уезжал в поместье хоу, мне выделили минимум вещей и всего одного слугу. Он, на самом деле, даже не принадлежал отцу: этот человек пришёл с его последней женой, моей мачехой. Та женщина не стала мне матерью, но относилась хорошо, и

даже отдала своего слугу, чтобы в чужом доме я не остался совсем один. Мы с ним вступили в поместье хоу вместе...

— Я не слышал об этом, — нахмурившись, сказал Фэн Жун. — Ни Фэнцзи, ни сестра никогда не упоминали, что у тебя были слуги. Неужели он остался там?

Ли Инчунь на миг замолк.

— В некотором смысле. Мы не были близки с ним и, кажется, он не желал уезжать от хозяйки — но и ослушаться не мог. Живя в поместье хоу, однако, мы несколько... сдружились? Хотя, думаю, с его стороны это была лишь жалость от того, как со мной обращаются. Ни он, ни я не знали, чем я прогневил генерала, но тогда как слуга молча принимал положенное, я ощущал несправедливость. Мне даже ни разу не высказали обид, разве мог я в таком случае терпеть издевательства? Я начал думать о том, чтобы сбежать, и прикинул, что этот слуга может помочь мне.

— Я в самом деле никогда не задумывался... — приложив пальцы в подбородку и опустив взгляд, сказал Фэн Жун. — Господин Ли такой умный и расчетливый, неужели для побега ему нужна была чья-то помощь?

— Тогда даже не было какого-то плана, — продолжил Ли Инчунь. — Я просто подумал, что с этим нужно что-то сделать, что я не хотел умереть там. Бейшэн был ворчлив, но знал не больше моего, потому расположить его к себе и уговорить помочь было бы просто. Хоу, однако, словно видел меня насквозь и знал о каждом моем плане. Я так и не попробовал ни одного. Пань Тань разоблачил меня и Бейшэн был убит, пусть в самом деле не успел еще в чем-то провиниться. Когда я думаю о том, что это последствие моих решений, мне становится невыносимо.

— Но это ведь... совсем иная ситуация! — возразил Фэн Жун. — Едва ли на государственной службе случится что-то подобное...

— Важна не ситуация, а ее итог, — ответил господин Ли. — В тот раз пострадал лишь один человек, который даже не был мне особо близок, но если за каждую ошибку цена будет такова, я не желаю даже пытаться.

Молодой господин и Пятый принц замерли со сложными выражениями. Фэн Жун хмурился, словно пытался найти достаточно весомое возражение на слова Ли Инчуня, а Фу Ичжэнь, опустив глаза, наблюдал за пальцами юноши, поглаживающими край пиалы. Он чужого пристального внимания руки принялись подрагивать. Господин Ли вовсе не хотел этой историей расстроить или озаботить друзей, а выражение жалости на их лицах и вовсе смущало юношу до той степени, что душа его стремилась покинуть тело.

Ли Инчунь поспешил перевести тему:

— Я лишь хочу сказать, что такая работа не для меня. Кроме того, — задумавшись и в этом выражении вернув обычный свой отрешенный вид, добавил господин Ли: — Чтобы построить хорошую карьеру сейчас, мне нужно будет соперничать с Пань Танем, а положение у нас пугающе разное. У него есть нарощенные за годы службы сила, влияние и связи — мне с ним попросту не справиться. К тому же опыт прошлой жизни... Нужно будет либо всегда быть крайне внимательным и действовать неожиданно, либо положиться на Мин Цзе и Третьего принца... любой вариант слишком сложен и не стоит потраченных сил.

Пятый принц поднял глаза и на миг прищурился: этот бесстыдный человек говорил, что совсем

не высокомерен, но в своей душе уже размышлял о том, как справиться с врагами. Был ли причиной желания отступить действительно страх, или невозможность быстро занять положенное ему, по мнению самого господина Ли, место?

Фэн Жун не заметил двоякости в чужих словах и, вздохнув, неожиданно похлопал Ли Инчуня по плечу. Тот пошатнулся.

— Я понимаю твоё решение. Пусть для себя я решил другое, но твои размышления тоже имеют смысл.

Отчего-то от признания молодого господина Ли Инчуня не почувствовал себя спокойнее. Он коротко ответил, убрав с плеча чужую руку:

— Этот слуга не заслуживает внимания молодого господина, — тут же юноша поглядел на Пятого принца. Тот был странно молчалив и словно думал о чём-то своём. Ли Инчуня прежде, чем обдумал вопрос, спросил: — А что до Вашего Высочества?

— Что? — поднял взгляд Фу Ичжэнь. Отступать было поздно и, кляня в душе свою горячность, господин Ли самым безразличным тоном, на который был способен, спросил:

— Вы желаете остаться в столице?

— А, столица... — протянул Пятый принц и посмотрел в сторону окна, словно за деревянными ставнями мог рассмотреть крыши домов и переливающийся огнями вдалеке императорский дворец. Губы Фу Ичжэня сложились в грустную улыбку: — Если бы я мог, то убежал бы отсюда настолько далеко, насколько это возможно.

Маленький театр:

Фэн Жун: Подожди, а как же становление Императором и прочие жанровые обязательства?

Фу Ичжэнь: Ух, это даже звучит запарно....

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/17230/1749799>